

ВЕСТНИК ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

ACTA INSTITUTIONIS ORIENTALIS

№1(13)т.7. 2001

in memoria of Isolda E. Tsiperovich

Санкт-Петербург

Появление нового востоковедного учебного центра в ряду подобных, продолжавших функционировать в Петербурге (Факультет восточных языков университета) и Москве (лазаревский институт восточных языков), явилось важным событием культурной жизни России. Отдавая должное внимание этому событию на ниве отечественного просвещения, газета “Русский листок” 2 декабря 1899 г. в статье “Шаги просвещения на окраинах” подчеркивала:

“Нынешнюю осень совершилось крупное событие в жизни нашего отечества, событие, к сожалению, недостаточно подчеркнутое нашей печатью. Мы говорим об открытии высшего учебного – Восточного института во Владивостоке и открытии двух средних учебных заведений – мужского и женского – в Самарканде. Первое в Приамурском крае высшее учебное заведение по высочайше утвержденному 24 мая 1899 г. положению имеет целью практическую подготовку молодых людей к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях восточно-азиатской России и прилегающих к ней государств, ... уже из этого определения видно, насколько своеобразна должна быть программа этого русского культурного центра в азиатских владениях. Факультетов, если отделения можно так назвать, всего четыре: китайско-японский, китайско-монгольский, китайско-корейский и китайско-маньчжурский. В общий курс преподавания входят полит.экономия, статистика, финансовое право, юридические науки, география, счетоводство, коммерческие науки и обязательный для всех китайский язык. Специальными же предметами преподавания на отделениях служат: изучение языка и ознакомление с политико-экономической статистикой одной из четырех стран азиатского Востока (Японии, Кореи, Маньчжурии /т.е. Китая – А.Х./ или Монголии).

Торгово-промышленное общение России с ее восточными азиатскими соседями – вот та цель, к которой настойчивыми, верными, мирными шагами приближаемся мы уже несколько десятков лет”.

Даже из далеко неполного и краткого обзора откликов российской центральной и местной прессы конца XIX века (без принятых в таких случаях кратких комментариев) можно видеть, что в выступлениях российских газет, стоявших на различных политических позициях, нашли отражение высказывание и представителей демократически настроенной интеллигенции. Это наиболее ярко проявилось, на наш взгляд, в редакционной статье газеты “Владивосток”, опубликованной накануне открытия Восточного института.

Т.Л. Никольская
(при участии Т. И. Виноградовой)

Китайская “заумь” Александра Чачикова

Прием, состоящий в употреблении экзотически звучащих иностранных слов или фонетических комбинаций, вызывающих ощущение

экзотического иностранного языка, неоднократно встречается в поэзии русских футуристов – В. Хлебникова, И. Зданевича, В. Каменского, А. Крученых¹. Сами футуристы указывали, что их предтечами в этом направлении были такие русские классики, как Пушкин и Ф. Тютчев, приводя в качестве примера строки из “Полтавы”:

“От Рушука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи”

и название стихотворения Ф.Тютчева “По дороге на Вщиж”².

Однако, если у русских футуристов, не говоря уже о поэтах XIX века, насыщение текста экзотически звучащими словами носило окказиональный характер, то у поэта Александра Чачикова – Сандро Чачикашвили³ (1894-1941) этот прием лег в основу его поэтической системы. Впервые большое количество восточных топонимов появляется в стихах Чачикова 1914-1916 годов, печатавшихся в газете “Голос Кавказа”. В этот период Чачиков в чине поручика воевал на Персидском фронте и включал в свои стихи, напоминавшие сводки военных действий, названия населенных пунктов, в которых дислоцировался его полк⁴. В 1918 году Чачиков выпустил в Тбилиси два сборника стихов – “Инта. Персидская поэма” и “Крепкий гром”, в которых, наряду с топонимами, часто встречаются данные без перевода персидские и турецкие слова⁵. Цель этого приема состояла в воссоздании национального колорита и придании стиху необычного фонетического рисунка. Критика отмечала “красочность и звучность местных слов, вводимых поэтом”⁶, а автор предисловия к сборнику “Крепкий гром” А.Крученых предсказывал, что Чачикову будет суждено “стать участником зарождающейся поэзии Востока на русском языке, передающей мед пылающего края, мед зауми”⁷. Это предсказание

¹ См.: Циглер Р. Поэтика А.Е.Крученых поры “41^{оо}”. Уровень звука. / L'Avanguardia a Tiflis. Venezia, 1982, с.249.

² См. пред. к кн.: Крученых А. Чачиков А. Крепкий гром. Тифлис, 1918, с.3; об этой связи писали также К. Чуковский. Эгофутуристы и кубофутуристы. / “Шиповник”, кн.22, 1914, с.44 и В.Шкловский. О поэзии и заумен языке. / Сборники по теории поэтического языка. Вып.1, 1916, с.16.

³ Биографические сведения о Чачикове см.: Мдивани Г. Памяти друга. / Строка, оборванная пулей. М., 1976, с.661-662; Nikol'skaja Т. Александр Чачиков. / Russian Literature, XXIV, 1988, с.227-234.

⁴ См. например: Чачиков А. Песня пограничников № полка. / Голос Кавказа, 1914, №2757, с.3.

⁵ По мнению Р.Каменской Чачиков знал лишь персидский Азербайджан и употреблял турецкие слова вместо персидских. См. рец. на кн.: Каменская Р. А. Чачиков. Чай-хане. // На рубеже Востока, 1928, №5-6, с.231.

⁶ Атаманов Н. А Чачиков. Крепкий гром. / Куранты, 1919, №2, с.18.

⁷ См. пред. к кн.: Крученых А. Чачиков А. Крепкий гром. Тифлис, 1918, с.4.

сбылось. Тема востока осталась для Чачикова магистральной и в его последующих поэтических сборниках “Чай-хане” (М., 1927) и “1000 строк” (М., 1931). Основная тема стихов, в поэтике которых ощутимо влияние не столько Крученых, подталкивавшего Чачикова к зауми, сколько Гумилева, Киплинга и Пушкина⁸ – антиколониализм, пробуждение национального самосознания в странах третьего мира – была созвучна современности. Вспомним хотя бы поэму Н. Тихонова “Сами” или пьесу С. Третьякова “Рычи Китай”. В названных сборниках Чачикова, кроме излюбленной поэтом Персии, перед читателем предстают, точнее – мелькают, Турция, Египет, Индия, Эфиопия, Чад и Китай. Местный колорит создается автором введением в текст экзотических бытовых деталей и этнонимов. Значение некоторых “восточных” слов объясняется в специальном словарики, помещенном в конце сборников. К отдельным иностранным словам автор дает подстрочные примечания, объясняя этимологию слов в поэтической форме. В то же время прямая речь на восточных языках объясняется контекстом, так, например:

“Прохожий понял:
Девушка из Кобе,
Благодаря, сказала:
Оки-ни
Взамен привычного здесь:
А-ри-га-то!”⁹

Интересующая нас в связи с темой данного мемориального сборника китайская тема встречается в двух стихотворениях Чачикова “Короткие стихи” из сборника “1000 строк” и “В китайской школе”. Последнее стихотворение впервые вошло в книгу “Чай-хане”, а затем с незначительными изменениями было перепечатано в сборнике “1000 строк”. В “Коротких стихах” упоминаются шанхайские грузчики:

“Всю ночь не спали грузчики Шанхая;
Проклятый ветер к ним домчал тревогу
Не стало друга бедных – Ле-и-но!”¹⁰

Как нам любезно указала Т. Виноградова, фонетическая модель “Ле-и-но”, предложенная Чачиковым как китайская, не является релевантной. Имя вождя пролетарской революции/большевистского переворота звучит по-китайски также как и по-русски – Ленин.

⁸ Так, прямая аллюзия на Гумилева содержится в стихотворении “Рекрутский набор”, начинающегося строчками: “Курчавое озеро Чад/ Собирает своих сыновей”; стихотворение “В китайской школе” частично написано размером пушкинской “Полтавы”, а стихотворение “Ангора” начинается с незакавыченной пушкинской строчки “Стамбул гяуры нынче славят”.

⁹ Короткие стихи. / Чачиков А. “1000 строк”, М., 1931, с.6.

¹⁰ Там же.

Значительно интереснее стихотворение Чачикова “В китайской школе”, в котором автор делает попытку воспроизведения китайского языка. Поскольку этот текст неизвестен широкому кругу читателей, приведем его без купюр:

В КИТАЙСКОЙ ШКОЛЕ

Кюне-Лау¹¹

Ну, что же, бабочка,
Летай!
Пусть учат дети знаки писем:
Ти-ла-о-фу
Ка-ти-ра-ми-ся
Ра-зи-ла-ка
Шань-хе
Дзянь-бай.
Суров и знатен Мао-Лин:
Он целой школой управляет
И сердится, когда читает,
Хотя бы ученик один,
Слова неправильно.
Он строг, –
Велит всем выучить урок.
А шелковое солнце светит
С коричневого утра.
Обрадуются скоро дети:
Желанный близок час – пора
Бежать домой, где чашка риса, –
А тут еще:
Шань-дзе-о
Ми-ся
Ру-зи-ла-ка
Гу-ан
Фу-бай.
Ну, что же, бабочка,
Летай!
Пусть учат дети знаки писем!

1923

Чайные плантации

Как нам любезно сообщила Т. Виноградова, в “китайских” вставках Чачикову удалось уловить слоговой характер китайского языка: фонетический состав слова – начальные согласные, а также то, что слог может оканчиваться либо на гласную, либо на согласные *н/нь*. Однако, не

¹¹ Что означает это имя или название, нам не удалось установить.

¹² Чачиков А. “1000 строк”, с.71-72; в сборнике “Чай-хане” в этом стихотворении вместо имени Мао-Лин напечатано “мандарин”.

будучи профессиональным китаистом, поэт не избежал некоторых фонетических ошибок: в частности, в китайском языке нет начального *p*, слоги *o* и *ka* являются очень редкими, что делает вероятность их появления в учебном тексте ничтожно малой. Слога *zi* в китайском языке не существует, однако, часто встречающийся слог *цзи* мог быть так прочитан через английскую или французскую транскрипцию. Владевший европейскими языками Чачиков мог встречаться с такого рода передачей и воспроизвести ее в русском варианте. Скорее всего, Чачиков был незнаком с проблемой передачи на письме тональных рисунков китайских слогов, поэтому и не поставил перед собой подобной задачи. Нетипичным для китайского стихосложения является размер, выбранный Чачиковым. Сами звуковые сочетания не похожи на осмысленный текст, даже учебный.

Т. Виноградова указала нам и на возможное происхождение образа бабочки, казалось бы, неведомо откуда возникшего в стихотворении. Не исключено, что это отсылка к давно известной европейскому и русскому читателю притче о том, как философу Чжуан-цзы приснилась бабочка. Любопытно отметить, что в 1923 году, когда было написано стихотворение “В китайской школе”, в журнале “Восток” была опубликована подборка переводов с китайского В. М. Алексеева “Древнее” (из поэтической исповеди Ли Бо), где представлено стихотворение о том, как Чжуан Чжоу приснилась бабочка¹³. Однако был ли Чачиков на самом деле знаком с этой публикацией, нам, к сожалению, неизвестно.

Добавим, что “китайские” вставки носят в стихотворении Чачикова “бординный” характер, каковой характерен для зауми русских футуристов. Практический повтор с незначительными вариациями “китайских” фрагментов в начале и конце текста может свидетельствовать и об осторожности автора в обращении с неизвестным ему языком, что отличает его в таком случае от футуристов-заумников, смело жонглировавших фонемами неведомых им языков.

С.А.Кузнецова

Современные формы защиты редких изданий: планирование и определение приоритетов

Программа составления

Составление программы сохранения коллекций нельзя рассматривать как непосильную задачу, требующую технической экспертизы

¹³ См.: Алексеев В.М. Древнее (из поэтической исповеди Ли Бо). Станс 9. / Восток. Журнал литературы, науки и искусства, 1923, книга 2, с.36.